

1

Мой язык в твоих устах

Все началось с фотографии.

Дело было дождливым июльским вечером. Мы с Эмилем паковали вещи. На следующий день мы собирались сесть на поезд и отправиться в Оденсе к родителям Эмиля. Я нервничала и не знала, куда себя деть. К этому добавлялась ноющая боль в боку. Пару недель назад врач сообщил, что у меня неопасная киста в яичнике. Эта информация не давала мне покоя. Как и предстоящая поездка. С родителями Эмиля я уже виделась, но всего несколько раз, когда еще почти не говорила по-датски. Теперь я понимала датчан намного лучше, но отвечала по-шведски, что вгоняло их в ступор. Я не знала, чего ждать, как себя вести, даже какую одежду взять с собой. Эмиль сидел перед компьютером, за окном шумел бульвар Амагер, озаряемый синими проблесковыми маячками. Копенгаген, как и всегда, поскрипывал

под непрерывными порывами ветра и потоками дождя. Кое-как сложив одежду в сумку, усталая, я устала на синий кардиган, погрузившись в мысли о кисте и родителях Эмиля. Что, если на самом деле они меня ненавидят?

Эмиль вырвал меня из оцепенения, позвав взглянуть на экран компьютера: в «Политикен» вышла возмутительная полемическая статья о путях датской поэзии. Прочитав ее, я уже хотела поделиться впечатлениями, как вдруг заметила в углу экрана новое уведомление от Фейсбука. Сообщение с черно-белым фото профиля. Девушка на снимке просто светилась, это видно было даже по крошечной иконке. На вид лет двадцать. На фотографии было только ее лицо: скулы, веснушки и ослепительная улыбка. Девушку могли бы звать Сюннэве, Венке или Рагнхильд, но у нее было самое обычное имя — Нора. Нормальное норвежское имя.

Меня словно обухом ударили. Из головы вылетело все, что я собиралась сказать о литературной критике «Политикен» Лилиан Муне Рёссинг. Внезапно я болезненно остро ощутила свое тело, свои руки. Нора была бывшей девушкой Эмиля. Я не знала, что они продолжают общаться. Щеки горели. Язык не слушался, меня охватил жгучий стыд. Я что-то пробормотала, не подавая виду, что только что увидела нечто красивое и очень личное. Внутри меня все пришло в движение, формируя новый, незнакомый ландшафт.

С Эмилем мы познакомились примерно год назад и несколько месяцев спустя стали *kærester*. Со временем мы начали лучше понимать друг друга, несмотря на языковой барьер. Приходилось не просто узнавать другого человека и учить другой скандинавский язык, но и понимать, как этот конкретный человек изъясняется на своем скандинавском языке. Датский Эмиля постепенно становился понятнее, его шведский тоже улучшился. Во время нашего знакомства — солнечным сентябрьским днем на скамейке — я не могла разобрать ничего. Я добрых полминуты просто сидела и курила, прежде чем поняла, что Эмиль просит одолжить *lighter*. Мы вместе учились, и я чувствовала себя полной идиоткой, оттого что не могла вычленивать ни единого слова из его речи. В первый день учебы, когда Эмиль разговаривал с другим датским студентом, я просто перестала вслушиваться. Это было еще хуже, чем звуки радио, настроенного между волнами. Скорее походило на попытку что-то разобрать в кофейной гуще или пропустить рис через слишком мелкий дуршлаг. Эмиль год прожил в Швеции и имел кое-какие поверхностные познания о шведском: он был способен расшифровать смысл предложения, но не улавливал деталей (однажды на паре он подчеркнул слово «шишка» и прошептал

по-датски: «Что это значит?»). Хотя другие студенты тоже испытывали трудности с коммуникацией, Эмиля и его земляка это, казалось, не беспокоило. Наверно, им достаточно было того, что они понимают друг друга. Или отделяющая их пропасть оказалась слишком широкой. Как бы то ни было, Эмилю во время наших перекуров было проще понимать меня, чем мне его, так что в нашей беседе возникал странный перекося. Тогда я впервые столкнулась с выражением лица, которое, как выяснилось позже, было стандартным при встрече двух скандинавов: парализующий ужас и отчаянное стремление скрыть, что ты ничего не понимаешь.

Большинство просто ждали, пока языковой барьер и замешательство разрастутся, а разговор утечет в песок. Но в тот раз я с триумфом протянула Эмилю зажигалку. В конце концов, по-английски зажигалка тоже *lighter*. Научиться понимать датский было волевым решением. Выяснилось, что взаимопонимания между соседними народами вообще-то не существует: мне потребовались гугл-переводчик, много труда и долгие переводческие дискуссии с другом Петтером, давно уже живущим в Копенгагене. Той осенью мне и в голову не приходило, что в том, чтобы учить язык ради другого человека, есть нечто романтическое. И в идеалистическом понимании — как попытка понять мир другого человека; и в бытовом — все

равно что преподнести цветы или разгрузить стиральную машину. Нечто конкретное и одновременно символическое. Несмотря на то что датский и шведский объединяет близкое родство, они очень не похожи фонетически и в них сильно различаются самые употребимые слова и строение предложений. Иначе говоря, учить соседний скандинавский язык — занятие амбициозное. Но не влюбленность подтолкнула меня углубиться в эти различия. Не было никакой особой причины, просто я внезапно ощутила в себе решимость. В декабре я сочла свой датский достаточным для того, чтобы встретиться с Эмилем тет-а-тет. Он приезжал в Стокгольм на пару дней по учебе, и мы договорились выпить пива. По имейлу он предложил обмениваться записками, если устное общение не пойдет. В рождественские каникулы имейлы стали длиннее, а ветреным днем в начале января мы снова встретились в Копенгагене. Наши отношения развивались в такт с моим освоением датского. В марте я уже слушала программу о литературе датского радио *P1*, а Эмиль спросил, встречаемся ли мы.

И вот на дворе июль. В августе Эмиль планировал переехать в Стокгольм. Три месяца для отношений — это недолго, но достаточно, чтобы возникло ощущение чего-то прекрасного и

устойчивого. Подруга говорила, что Эмиль смотрит на меня влюбленными глазами. Сама я этого не замечала, но порой в его взгляде действительно проскальзывало что-то подобное. Я полностью доверяла Эмилю, настолько, что сама себе удивлялась.

Но фотография Норы это доверие пошатнула. Я извинилась и заперлась в туалете. Там я долго сидела на унитазе с опущенной крышкой и разглядывала плитку. Лицо горело, сердце колотилось как безумное. Я была жутко зла и в полном смятении. Насколько хорошо я знала Эмиля? Я знала, что он верен своим друзьям, что он заботливый брат для своих сестер, что он сочиняет стихи с трогательной старательностью. Эмиль был добрым, вежливым, воспитанным, но было в нем что-то еще, какая-то другая сторона... Когда мне удаляли зуб мудрости пару месяцев назад, я написала ему, что мне хочется кричать от боли. Он ответил: «Кричи». Почему-то этот ответ показался мне странным. И очаровательным.

Но что мне на самом деле было о нем известно? В моих глазах он ослепительно сиял. Мне не удавалось разглядеть его как следует.

2

Это мое место!

На следующий день мы вовремя сели в поезд. Погода резко переменилась. Теперь Данию накрывала горячая волна: температура поднялась намного выше тридцати. Жара давила на землю, сотрудники «Датских железных дорог» раздавали бутылки с водой, возводя таким образом островок надежности среди этого светопреставления. Эмиль читал книгу Гофмана, на вид невыразимо скучную. Я рассеянно листала «Улисса», размышляя, что этот том может пригодиться, когда потребуется подпереть стол или придержать окно.

— Вы часто общаетесь? — неожиданно выпалила я без всяких прелюдий.

Эмиль оторвался от книги. Вид у него был такой, словно он всерьез подумал, что я имею в виду Мышиного короля Гофмана. *Нет, не так уж и часто, может, раз в месяц.*

— Вы с Норой, — сказала я и нагнулась к сумке, движимая непреодолимым желанием занять чем-то руки.

— Нет, — ответил он.

Рядом сидела пожилая пара; он разгадывал кроссворд, она — sudoku, оба без особого энтузиазма. Люди в вагоне обливались потом. Он скапливался в подмышках, над верхней губой.

— Она ведь живет в Осло, — произнес Эмиль так, словно это все объясняло. «Осло» прозвучало как «Осле». «Она ведь живет в Осле», — перевела я.

Я не стала упоминать о белых зубах, светлых волосах и даже о потрясающих глазах, но не могла не сказать, что видела ее сообщение. Ненарочно.

— Так случайно получилось.

Эмиль нахмурился.

— Мы иногда переписываемся. И созваниваемся. — Как и всегда, он говорил со мной по-датски.

Голос его звучал спокойно. Мои наглые распросы его не смущали. Я ждала продолжения, но Эмиль молчал. Я внезапно ощутила себя заурядной и очень, очень нелепой. Эмиль шумно перевернул страницу Гофмана.

Но фотография Норы не была заурядной. Она оставалась во мне, она жгла и трепетала на ветру,

словно флаг. Я смотрела то в окно, то на пожилую пару. Книга выскользнула у меня из рук. Улыбка, локоны, губы. Я пыталась собрать воедино все, что знала о ней, — обрывки разговоров, случайно оставшиеся в памяти подробности. Она работала в детском саду. *Hun købte tøj for sin løn*¹.

Эмиль сидел уткнувшись в книгу.

Мне было известно, что они встречались около года, что Нора на несколько лет младше нас и что познакомились они в университете в Копенгагене. После того как Эмиль получил место на курсе шведского (несколько недель он был в листе ожидания), они перестали планировать совместную жизнь в Копенгагене, и Нора переехала к отцу в Осло. Предполагалось, что Эмиль переедет следом за ней, но внезапно Нора разорвала отношения, объяснив это тем, что «хочет путешествовать». Эмиль рассказал мне эту историю зимой во время прогулки вокруг гавани Орставикен, и меня немного насмешило, что он так сердится, а она ведет себя так инфантильно.

Но теперь мне было не до смеха.

Мы проехали уже половину пути. Судоку-пара вышла в Слагельсе. Мы переехали через мост, где когда-то маршировал Карл Десятый Густав — хотя нет, в те времена моста еще не было. Эмиль рассказывал, что еще в девяностые с Зеландии

¹ Покупала одежду на свою зарплату (дат.).

на Фюн можно было попасть только по воде. Мы пересекли границу, проехав по мосту Большой Бельт. Внезапно у меня возникла мысль: куда я денусь, если все пойдет не так? Эмиль каждое лето неделю проводил в доме родителей, пока те отдыхали на курорте в Ютландии. И обычно брал с собой свою *kæreste*. Два лета подряд он ездил с Норой, первый раз — во время их романа, второй — через несколько месяцев после разрыва. В последний они устроили себе секс-каникулы, которые закончились для Эмиля болезненными мочеиспусканиями, зудом и диагнозом «хламидии» (Нора уже успела насладиться ночной жизнью Осло).

Теперь была моя очередь любоваться Оденсе в летнем уборе и добавить еще один флажок к скандинавской гирлянде Эмиля. Я гадала, собирается ли он увенчать гирлянду финским треугольничком, но воздерживалась от расспросов. Сиденье было липкое от жары, но мне нечем было его вытереть: все пропиталось водой и потом. Поезд несся вперед. О Дании я не знала ничего. Что делать в чрезвычайной ситуации? Звонить 911? Что, если у меня украдут кошелек и мобильный? Как я вернусь домой? Что, если я попаду в автомобильную аварию? Пойдут мои органы на донорство или нет? Или меня просто кремируют? Эмиль отложил книгу.

— Она скоро приедет в Копенгаген.